

О ЕСЕНИНЕ

На столе у меня лежит книжка: «Сергей Есенин. Стихи и поэмы». Надо бы сказать: «Избранные стихи и поэмы», потому что сюда вошло сравнительно лишь немногое из написанного Есениным. Однако же — как характерно сейчас появление этого томика и как выразительно все в нем: состав, предисловие, даже объем, даже внешний вид!

В книжке всего 228 страниц небольшого, почти карманного формата. Издание самое скромное. Бумага тонкая, чтобы томик вышел не толст; переплетец коричнево-серый, мышинового цвета, и на нем всего только монограмма: СЕ. На коленкоровом корешке — полнее: «Сергей Есенин». И ничего больше. Какая разница по сравнению с теми изданиями, которые выходили при жизни Есенина и в первые месяцы после его смерти! Вся книжка словно старается не бросаться в глаза, пройти стороной, проскользнуть незаметно в карман читателя... У нее есть к тому основания.

Самоубийство Есенина так очевидно связано было с его разочарованием в большевистской революции и нашло такой сильный отклик в кругах комсомола и рабочей интеллигенции, что начальство встревожилось и велело немедленно «прекратить есенинщину». Бесчисленные портреты Есенина, портреты его родных, знакомых и просто односельчан, виды деревни, где он родился, и дома, в котором он вырос, бесчисленные воспоминания о нем и статьи о его поэзии — все это разом, точно по волшебству, исчезло из советских газет и журналов. Зато появилось несколько статей, разъясняющих заблуждения Есенина и его несозвучность эпохе. Потом о Есенине замолчали вовсе. Самое имя его почти перестало упоминаться. Распродав (а может быть, и припрятав) сочинения Есенина, Госиздат новых изданий уже не печатал. Запретить Есенина было слишком неловко — его приглушили.

Став полузапретным, Есенин, однако же, не стал забвенным. Его помнят и тайно любят в России по сию пору. Изда-

вать Есенина там сейчас дело не то чтобы нелегальное, но все же и не похвальное. Книжка, о которой идет речь, выпущена частным издательством. Психология издателей отразилась на ее внешности. Она вышла потому, что отвечает читательскому спросу. Но она старается не слишком бросаться в глаза, потому что и спрос этот — полузапретный.

Полузапретных книг много в СССР: это как раз те самые, которые читаются наиболее охотно. Они появляются не иначе, как с казенными предисловиями, в которых изобличаются заблуждения авторов. Предисловий этих никто, разумеется, всерьез не принимает, но они делают свое дело: во-первых, играют роль фигового листа, во-вторых, приносят доход авторам-коммунистам. Это род косвенного налога или акцизного сбора: хочешь издать или прочесть не казенную книгу — уплати пошлину. Авторы предисловий суть служилые люди подсоветской Руси, кормящиеся за счет населения.

«Есенин не нашел в себе силы разлюбить то, что наш век велел ненавидеть... В свете грандиозных сдвигов последних лет, определивших путь крестьянского хозяйства к социализму на основе сплошной коллективизации, явственно обнаруживаются реакционные корни есенинского творчества. Теперь совершенно очевидна нелепость скороспелых попыток объявить Есенина после его смерти «национальным» и «подлинно крестьянским» поэтом. Место Есенина не в нашей эпохе, а позади нее».

Так сказано в предисловии. Объяснять трагедию Есенина тем, что он не предвидел и не оценил благ «сплошной коллективизации», есть, разумеется, лживая ерунда, порождение тупости и лакейства. Но что касается «несозвучности» Есенина советской эпохе — тут автор предисловия прав: тут он заметил то, что все знают и без него. Именно «несозвучность» и определила всю драму Есенина. Он уверовал в революцию, увидел в ней правду или, по крайней мере, путь к правде, связал себя с ней неразрывно — и, наконец, в ней разочаровался.

Друг мой, друг мой! Прозревшие вежды
Закрывает одна лишь смерть.

Когда Есенин прозрел, ему осталось лишь умереть. Его смерть потрясла великое множество людей (особенно молодежи), переживавших в ту самую пору приблизительно то же, что пережил Есенин. Как я уже говорил, правительству это потрясение показалось опасным, оно наложило на память

Есенина род запрета — и с точки зрения своих интересов было в значительной мере право.

Но время шло. Со дня смерти Есенина минуло более шести лет. Обстоятельства изменились. Из тех, кто отраженно пережил драму Есенина как свою собственную, — одни последовали за ним (припомним волну самоубийств, которой отмечены были в России 1925—1927 годы); другие, надломленные, но не сломанные, смирились иль затаились; третьи, махнув рукой, приспособились. Надо еще заметить, что кончилась и эпоха нэпа, которой, в особенности, было обострено разочарование Есенина и ему подобных. Словом, постепенно история Есенина перестала восприниматься так, как она воспринималась некогда, и стала значить совсем не то, что значила. Изменив свой смысл, она, однако ж, его не утратила. Можно даже сказать, что, несколько потеряв в политической остроте, она приобрела оттенок более глубокий, более отвлеченный, более возвышенный. Она стала общечеловечнее, сделалась близкой каждому, а не только тем, кто сам пережил то же самое.

Мне кажется, что сегодняшний читатель уже не воспринимает историю Есенина в конкретной связи с историей большевизма. Трагедия Есенина превращается вообще в трагедию человека, оскорбленного низостью того, что считал он своим идеалом. Раскаяние и бунт, отчаяние и разгул — вот что вычитывают сейчас в Есенине, уже не придавая особенного значения тому, в чем именно он раскаивается и против чего бунтует. Если угодно, мы тут присутствуем при очищении поэзии от слишком преходящего, слишком «гражданского». Время подергивает туманом частности, остается лишь сущность: драматическая коллизия и страдание, ею вызванное. Это страдание и этот мятеж сейчас особенно ясно вычитываются в Есенине; и то и другое дано на фоне такой же страдающей, такой же мятежной, так же утратившей свет России. Есенинский надрыв, с его взлетами и падениями, оказался сродни всей России. За это Есенина любили и любят, за это и должно его любить.

Впрочем, народы вообще любят смотреть на мучения поэтов. Русский народ — не менее, а, кажется, даже более, чем другие. Может быть, это потому, что сам он страдал более других: может быть, в муках поэтов он изживает свои собственные мучения — не только психологически, но и мистически, что уже гораздо серьезнее. В изничтожении русских поэтов, начавшемся вместе с началом самой поэзии, в ту ночь,

когда Волынский избивал Тредьяковского, порой проступает нечто, похожее на заклание жертв. Не будем, однако же, углубляться в это. Каковы бы ни были причины, — люди любят смотреть на такие вещи, как дети на трепетание бабочек, умирающих на булавах: со смесью жалости и жестокости, ужаса и восторга, с ясно сознаваемым любопытством и смутным благоговением перед совершающейся тайной. Когда поэтический путь кончается трагической гибелью, народу кажется, что эта последняя точка прибавляет нечто и к самому творчеству. Должно быть, это потому, что такая гибель придает окончательную достоверность пройденным страданиям. Простодушные поклонники искусства всегда боятся искусственности. Они боятся истратить свое сочувствие на страдания ненастоящие. Трагическая смерть поэта успокаивает их, убеждая, что сочувствие было истратчено не напрасно. Фома неверный принял на себя тяжкий подвиг — знаменовать толпу, народ, хор.

Поэзия Блока в основах своих была большинству непонятна или чужда. Но в ней очень рано и очень верно расслышали, угадали, почувствовали «роковую о гибели весть». Блока любили, не понимая, по существу, в чем его трагедия, но чувствуя несомненную ее подлинность. Любят всякое творчество, свидетельствующее об испепеляемой жизни, всякое, над которым можно поставить эпитафию: «Здесь человек сгорел». У нас это в особенности так. Может быть, впрочем, истинно велико только такое творчество. Точнее, может быть, всякое подлинное творчество есть самосожжение поэта — «священная жертва». Трагедия Есенина была гораздо менее сложна, менее значительна по внутреннему своему смыслу, чем блоковская; Есенин к тому же был менее мастером, своим страданиям, как и страстям, не умел он придать столь возвышенной формы, — но подлинность самой его трагедии остается несомненной.

В. Ходасевич

* * *

Вот уж вечер. Роса
Блестит на крапиве.
Я стою у дороги,
Прислонившись к иве.

От луны свет большой
Прямо на нашу крышу.
Где-то песнь соловья
Вдалеке я слышу.

Хорошо и тепло,
Как зимой у печки.
И березы стоят,
Как большие свечи.

И вдали за рекой,
Видно, за опушкой,
Сонный сторож стучит
Мертвой колотушкой.

1910

* * *

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.

1910

* * *

Дымом половодье
Зализало ил.
Желтые поводья
Месяц уронил.

Еду на баркасе,
Тычусь в берега.
Церквами у прясел
рыжие стога.

Заунывшим карком
в тишину болот
Черная глухарка
К всенощной зовет.

Рощи синим мраком
Кроет гольгтьбу..
Помолюсь украдкой
За твою судьбу.

1910

* * *

Сыплет черемуха снегом,
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.

Никнут шелковые травы,
Пахнет смолистой сосной.
Ой вы, луга и дубравы,—
Я одурманен весной.

Радуют тайные вести,
Светятся в душу мою.
Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою.

Сыпь ты, черемуха, снегом,
Пойте вы, птахи, в лесу.
По полю зыбистым бегом
Пеной я цвет разнесу

1910

Подразжанье Кресте

Ты поила коня из горстей в поводу,
Отражаясь, березы ломались в пруду.

Я смотрел из окошка на синий платок,
Кудри черные змейно трепал ветерок.

Мне хотелось в мерцании пенистых струй
С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.

Но с лукавой улыбкой, брызнув на меня,
Унеслася ты вскачь, удилами звеня.

В пряже солнечных дней время выткало нить...
Мимо окон тебя понесли хоронить.

И под плач панихид, под кадилый канон,
Все мне чудился тихий раскованный звон.

1910

Поет зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
 Столбом сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
 Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
 Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
 Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится все сильней.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная,
Красавица-весна.

1910

* * *

Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.
Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется — на душе светло.
Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под соседний стог.
Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет.
Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты,
Унесу я пьяную до утра в кусты.
И пускай со звонами плачут глухари.
Есть тоска веселая в алостях зари.

1910

Калики

Проходили калики деревнями,
Выпивали под окнами квасу,
У церкви пред затворами древними
Поклонялись Пречистому Спасу.

Пробиралися странники по полю,
Пели стих о сладчайшем Иусе.
Мимо клячи с поклажею топали,
Подпевали горластые гуси.

Ковыляли убогие по стаду,
Говорили страдальные речи:
«Все единому служим мы Господу,
Возлагая вериги на плечи».

Вынимали калики поспешливо
Для коров сбереженные крохи.
И кричали пастушки насмешливо:
«Девки, в пляску! Идут скоморохи».

1910

* * *

Темна ноченька, не спится,
Выйду к речке на лужок.
Распоясала зарница
В пенных струях поясок.

На бугре береза-свечка
В лунных перьях серебра.
Выходи, мое сердечко,
Слушать песни гусяра!

Залюбуюсь, загляжусь ли
На девичью красоту,
А пойду плясать под гусли,
Так сорву твою фату.

В терем темный, в лес зеленый,
На шелковы купыри,
Уведу тебя под склоны
Вплоть до маковой зари.

1911

* * *

Хороша была Танюша, краше не было в селе,
Красной рюшкой по белу сарафан на подоле.
У оврага за плетнями ходит Таня ввечеру.
Месяц в облачном тумане водит с тучами игру.

Вышел парень, поклонился кучерявой головой:
«Ты прощай ли, моя радость, я женюсь на другой».
Побледнела, словно саван, схолодела, как роса.
Душегубкою-змеею развилась ее коса.

«Ой ты, парень синеглазый, не в обиду я скажу,
Я пришла тебе сказаться: за другого выхожу».
Не заутренние звоны, а венчальный переклик,
Скачет свадьба на телегах, верховые прячут лик.

Не кукушки загрустили — плачет Танина родня,
На виске у Тани рана от лихого кистеня.
Алым венчиком кровинки запеклися на челе,
Хороша была Танюша, краше не было в селе.

1911

* * *

Под венком лесной ромашки
Я строгал, чинил челны,
Уронил кольцо милашки
В струи пенистой волны.

Лиходейная разлука,
Как коварная свекровь.
Унесла колечка щука,
С ним — милашкину любовь.

Не нашлось мое колечко,
Я пошел с тоски на лут,
Мне вдогон смеялась речка:
«У милашки новый друг».

Не пойду я к хороводу:
Там смеются надо мной,
Повенчаюсь в непогоду
С перезвонною волной

1911

* * *

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.
Выходи встречать к околице, красotka, жениха.

Васильками сердце светится, горит в нем бирюза.
Я играю на тальяночке про синие глаза.

То не зори в струях озера свой выткали узор,
Твой платок, шитьем украшенный, мелькнул за косогор.

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.
Пусть послушает красавица прибаски жениха.

1912

* * *

Задымился вечер, дремлет кот на бруссе.
Кто-то помолился: «Господи Иисусе».

Полыхают зори, курятся туманы,
Над резным окошком занавес багряный.

Вьются паутины с золотой повеи.
Где-то мышь скребется в затворенной клетке...

У лесной поляны — в свяслах копны хлеба,
Ели, словно копья, уперлися в небо.

Закадили дымом под рососою рощи...
В сердце почивают тишина и мощи.

1912

* * *

Матушка в купальницу по лесу ходила,
Босая, с подтыками, по росе бродила.

Травы ворожбиные ноги ей кололи,
Плакала родимая в купырях от боли.

Не дознамо печени судорга схватила,
Охнула кормилица, тут и породила.

Родился я с песнями в травном одеяле.
Зори меня вешние в радугу свивали.

Вырос я до зрелости, внук купальской ночи,
Сутемень колдовная счастье мне пророчит.

Только не по совести счастье наготове,
Выбираю удалью и глаза и брови.

Как снежинка белая, в просини я таю
Да к судьбе-разлучнице след свой заметаю.

1912

* * *

Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам белый перезвон.

Тянется деревня с праздничного сна,
В благовесте ветра хмельная весна.

На резных окошках ленты и кусты.
Я пойду к обедне плакать на цветы.

Пойте в чаще, птахи, я вам подпою,
Похороним вместе молодость мою.

Троицыно утро, утренний канон.
В роще по березкам белый перезвон.

1914

* * *

Шел Господь пытать людей в любви,
Выходил Он нищим на кулижку.
Старый дед на пне сухом в дуброве
Жамкал деснами зачерствелую пышку.

Увидал дед нищего дорогой,
На тропинке, с клюшкою железной,
И подумал: «Вишь, какой убогой,—
Знать, от голода качается, болезный».

Подошел Господь, скрывая скорбь и муку:
Видно, мол, сердца их не разбудишь...
И сказал старик, протягивая руку:
«На, пожуй... маленько крепче будешь».

1914

* * *

Пойду в скуфье смиренным иноком
Иль белобрысым босяком
Туда, где льется по равнинам
Березовое молоко.

Хочу концы земли измерить,
Доверясь призрачной звезде,
И в счастье ближнего поверить
В звенящей рожью борозде.

Рассвет рукой прохлады росной
Сшибает яблоки зари.
Сгребая сено на покосах,
Поют мне песни косари.

Глядя за кольца лычных прясел,
Я говорю с самим собой:
Счастлив, кто жизнь свою украсил
Бродяжной палкой и сумой.

«Счастлив, кто в радости убогой,
Живя без друга и врага,
Пройдет проселочной дорогой,
Молясь на копны и стога».

<1914—1920>

* * *

Топи да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Всвенивает лес.

Тенькает синица
Меж лесных кудрей,
Темным елям снится
Гомон косарей.

По лугу со скрипом
Тянется обоз —
Суховатой липой
Пахнет от колес.

Слушают ракиты
Посвист ветряной...
Край ты мой забытый,
Край ты мой родно!..

1914

* * *

Сохнет стаявшая глина,
На сугорьях гниль опенок.
Пляшет ветер по равнинам,
Рыжий ласковый осленок.

Пахнет вербой и смолою,
Синь то дремлет, то вздыхает.
У лесного аналя
Воробей псалтырь читает.

Прошлогодний лист в овраге
Средь кустов, как ворох меди.
Кто-то в солнечной сермяге
На осленке рыжем едет.

Прядь волос нежней кудели,
Но лицо его туманно.
Никнут сосны, никнут ели
И кричат ему: «Осанна!»

1914

Р.В. Иванову

Тихо в чаще можжевеля по обрыву.
Осень, рыжая кобыла, чешет гриву.

Над речным покровом берегов
Слышен синий лязг ее подков.

Схимник-ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным

И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу.

1914

* * *

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зелени твоих стозвонных.

По меже на переметке
Резеда и риза кашки.
И вызванивают в четки
Ивы, кроткие монашки.

Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле.
С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.

Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.

1914

* * *

Зашумели над затоном тростники.
Плачет девушка-царевна у реки.

Погодала красна девица в семик.
Расплела волна венки из повилик.

Ах, не выйти в жены девушке весной,
Запугал ее приметами лесной:

На березке пообъедена кора, —
Вьживают мыши девушку с двора.

Бьются кони, грозно машут головой, —
Ой, не любит черны косы домовой.

Запах ладана от роши ели льют,
Звонки ветры панихидную поют.

Ходит девушка по бережку грустна,
Ткет ей саван нежнопенная волна.

1914

* * *

Не ветры осыпают пущи,
Не листопад златит холмы.
С голубизны незримой кущи
Струятся звездные псалмы.

Я вижу — в просиничном плате,
На легкокрылых облаках,
Идет возлюбленная Мати
С Пречистым Сыном на руках.

Она несет для мира снова
Распятъ воскресшего Христа:
«Ходи, мой Сын, живи без крова,
Зорюй и полднью у куста».

И в каждом страннике убогом
Я вызнать пойду с тоской,
Не Помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой.

И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях — крылья херувима,
А под пеньком — голодный Спас.

1914

* * *

Я — пастух, мои палаты —
Межи зыбистых полей.
По горам зеленым — скаты
С гарком гулких дупелей.

Вяжут кружево над лесом
В желтой пене облака.
В тихой дреме под навесом
Слышу шепот сосняка.

Светят зелено в сутёмы
Под росой тополя.
Я — пастух; мои хоромы —
В мягкой зелени поля.

Содержание

О Есенине. *В. Ходасевич* 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

1910—1925

«Вот уж вечер. Роса...»	11
«Там, где капустные грядки...»	11
«Дымом половодье...»	12
«Сыплет черемуха снегом...»	12
Подражание песне	13
«Поет зима — аужает...»	14
«Выткался на озере алый свет зари...»	15
Калики	16
«Темна ночснька, не спится...»	17
«Хороша была Танюша, краше не было в селе...»	17
«Под венком лесной ромашки...»	18
«Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...»	18
«Задымился вечер, дремлет кот на бруссе...»	19
«Матушка в купальницу по лесу ходила...»	19
«Троицныо утро, утренний канон...»	21
«Шел Господь пытать людей в любви...»	21
«Пойду в скуфье смиренным иноком...»	22
«Топи да болота...»	22
«Сохнет стаявшая глина...»	23
Осень	24
«Край любимый! Сердцу снятся...»	25
«Зашумели над затоном тростники...»	25
«Не ветры осыпают пущи...»	26
«Я — пастух, мои палаты...»	26
В хате	27
«По селу тропинкой кривенькой...»	29
«Гой ты, Русь, моя родная...»	30
«По дороге идут богомолки...»	32
«Черная, потом пропахшая выть!»	33
«Чую радуницу Божью...»	34
«Край ты мой заброшенный...»	34
«Заглушила засуха засевки...»	35
«Сторона ль моя, сторонка...»	36
«Туча кружево в роще связала...»	36
«В том краю, где желтая крапива...»	37
«На плетнях висят баранки...»	38
«В лунном кружеве украдкой...»	40
«Алый мрак в небесной черни...»	40
Корова	41

Песнь о собаке	42
Лисица	43
Табун	44
«За горами, за желтыми долами...»	46
«Не бродить, не мять в кустах багряных...»	46
«Весна на радость не похожа...»	48
«О красном вечере задумалась дорога...»	48
«О товарищах веселых...»	49
«Я снова здесь, в семье родной...»	50
«Покраснела рябина...»	50
«Прощай, родная пуща...»	52
«Устал я жить в родном краю...»	52
«Твой глас незримый, как дым в избе...»	53
«То не тучи бродят за овином...»	54
«Запели тесаные дроги...»	55
Голубень	56
«О край дождей и непогоды...»	58
«Не напрасно дули ветры...»	59
«Колокольчик среброзвонный...»	59
«Где ты, где ты, отчий дом...»	60
«О верю, верю, счастье есть!...»	60
«Там, где вечно дремлет тайна...»	61
Пропавший месяц	62
«Под красным вязом крыльцо и двор...»	63
«О Русь, взмахни крылами...»	64
«Тучи с ожерёба...»	66
«Гляну в поле, гляну в небо...»	67
«Разбуди меня завтра рано...»	68
«О пашни, пашни, пашни...»	68
«Нивы сжаты, рощи голы...»	69
«О Матерь Божья...»	70
«Серебристая дорога...»	70
«Я по первому снегу бреду...»	71
«Отвори мне, страж заоблачный...»	71
«Проплясал, проплакал дождь весенний...»	72
«Песни, песни, о чем вы кричите?...»	73
«О муза, друг мой гибкий...»	74
«Зеленая прическа...»	75
«Закружилась листва золотая...»	75
«Вот оно, глупое счастье...»	77
«Хорошо под осеннюю свежесть...»	77
«Я покинул родимый дом...»	78
«Теперь любовь моя не та...»	79
«Душа грустит о небесах...»	80
«О Боже, Боже, эта глубь...»	81
Хулиган	82
«По-осеннему кычет сова...»	84
«Я последний поэт деревни...»	85

Песнь о хлебе	86
«Мир таинственный, мир мой древний...»	88
«Не жалю, не зову, не плачу...»	89
«Сторона ль ты моя, сторона!»	89
«Я обманывать себя не стану...»	91
«Все живое особой метой...»	92
Не ругайтесь! Такое дело!	93
«Да! Теперь решено. Без возврата...»	95
«Снова пьют здесь, дерутся и плачут...»	96
«Эта улица мне знакома...»	97
«Сыпь, гармоника! Скука... Скука...»	98
«Я усталым таким еще не был...»	100
«Пой же, пой. На проклятой гитаре...»	102
«Мне осталась одна забава...»	103
«Ты такая ж простая, как все...»	104
«Заметался пожар голубой...»	105
«Мне грустно на тебя смотреть...»	106
«Ты прохладой меня не мучай...»	106
«Вечер черные брови насопил...»	107
«Пускай ты выпита другим...»	108
«Дорогая, сядем рядом...»	110
«Этой грусти теперь не рассыпать...»	111
«Мы теперь уходим понемногу...»	112
«Низкий дом с голубыми ставнями...»	113
Письмо матери	114
«Годы молодые с забубенной славой...»	116
Пушкину	117
Сукин сын	118
«Отговорила роща золотая...»	120
«Синий май. Заревая теплынь...»	120

ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ

«Улеглась моя былая рана...»	122
«Шаганэ ты моя, Шаганэ!»	125
«Я спросил сегодня у менялы...»	126
«Свет вечерний шафранного края...»	126
«Ты сказала, что Саади...»	127
«Никогда я не был на Босфоре...»	128
«Воздух прозрачный и синий...»	130
«Золото холодное луны...»	131
«В Хороссане есть такие двери...»	131
«Голубая родина Фирдуси...»	132
«Руки милой — пара лебедей...»	134
«Отчего луна так светит тускло...»	135
«Быть поэтом — это значит то же...»	136
«Глупое сердце, не бейся...»	137
Собаке Качалова	138

«Голубая да веселая страна...»	140
«Несказанное, синее, нежное...»	140
«Заря окликает другую...»	141
Песня	143
«Ну, целуй меня, целуй...»	144
«Вижу сон. Дорога черная...»	145
«Каждый труд благослови, удача!..»	146
«Видно, так заведено навски...»	147
«Спит ковыль. Равнина дорогая...»	148
«Не вернусь я в отчий дом...»	149
«Гори, звезда моя, не падай...»	150
«Над окошком месяц. Под окошком ветер...»	151
«Жизнь — обман с чарующей тоскою...»	152
«Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!..»	153
«Ах, как много на свете кошек...»	154
«В этом мире я только прохожий...»	154
«Я красивых таких не видел...»	155
«Ты запой мне ту песню, что прежде...»	156
«Эх вы, сани! А кони, кони!..»	157
«Снежная замята дробится и колетя...»	158
«Синий туман. Снеговое раздолье...»	159
«Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...»	160
«Голубая кофта. Синие глаза...»	160
«Снежная замята крутит бойко...»	160
«Вечером синим, вечером лунным...»	161
«Не криви улыбку, руки теребя...»	161
«Сочинитель бедный, это ты ли...»	161
«Свищет ветер, серебряный ветер...»	162
«Мелколесье. Степь и дали...»	162
«Цветы мне говорят — прощай...»	164

СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

Мои мечты	166
Береза	167
Буря	168
Бабушкины сказки	169
Королева	170
Пороша	171
С добрым утром	172
Узоры	173
«Вечер, как сажан...»	174
Старухи	175
«Я странник убогий...»	176
Поминки	177
«Белая свитка и алый кушак...»	178
Дед	179
«У крыльца в худой логушке деготь...»	180

«Закружилась пряжа снежистого льна...»	180
«Даль подернулась туманом...»	181
«Гаснут красные крылья заката...»	182
Нищий с паперти	183
Исус-Младенец	184
«Без шапки, с лыковой котомкой...»	187
«Синее небо, цветная дуга...»	187
«Свищет ветер под крутым забором...»	188
О родина	190
«Снег, словно мед ноздреватый...»	191
«И небо и земля все те же...»	192
Сельский часослов	193
«Ветры, ветры, о снежные ветры...»	196
«Грубым дается радость...»	197
Папиросники	198
«Цветы на подоконнике...»	199
Памяти Брюсова	200
Заря Востока	201
Я помню, любимая, помню	203
Неуютная жидкая лунность	203
Я иду долиной. На затылке кепи	204
Тихий ветер. Вечер сине-хмурый	206
Плачет метель, как цыганская скрипка	207
Ах, метель такая, просто черт возьми!	207
Снежная равнина, белая луна	207
Клен ты мой опавший, клен заледенелый	208
Какая ночь! Я не могу...	208
Не гляди на меня с упреком	210
Ты меня не любишь, не жалешь	211
Может, поздно, может, слишком рано	212
Кто я? Что я? Только лишь мечтатель	213
До свиданья, друг мой, до свиданья	214

ПОЭМЫ

Пришествие	217
Инония	221
Исповедь хулигана	228
Русь уходящая	231
Поэтам Грузии	234
Письмо к женщине	237
Письмо от матери	240
Ответ	243
Стансы	246
Мой путь	249
Пугачев	254
Песнь о великом походе	289
Анна Снегина	305
Поэма о 36	328
Черный человек	341